

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА, ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА

Филологический факультет

На правах рукописи

КУЗНЕЦОВ Александр Евгеньевич
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРИНЦИПЫ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ АПУЛЕЯ

Специальность 10.02.14 - классическая филология

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

Диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

МОСКВА 1989

Работа выполнена на кафедре классической филологии филологического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
А.А.Тахо-Годи.

Официальные оппоненты – доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы
им. А.М.Горького АН СССР
М.Л.Гаспаров,
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник
Института философии АН СССР
Ю.А.Шичалин.

Ведущее научное учреждение – Кафедра классической филологии
Ленинградского государственного
университета

Защита диссертации состоится " 7 " декабря 1989 г.
на заседании специализированного совета Д 053.05.55 по
классической филологии при Московском государственном
университете имени М.В.Ломоносова.

Адрес: П19899, ГСП, г.Москва, Ленинские горы, МГУ,
I-ый корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке филологического факультета.

Автореферат разослан "   "   1989 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
доцент

М. Н. Славятинская

Настоящая диссертация посвящена выявлению общих мировоззренческих и эстетических принципов Апулея.

Актуальность темы. Единство античных представлений о красоте, художественности и, с другой стороны, об устройстве природы и человека было показано в трудах А.Ф.Лосева по истории античной эстетики. Однако когда речь идет о единичном авторе, то единые принципы часто заслоняются общими литературоведческими и историко-философскими положениями или обсуждением отдельных филологических проблем. Именно такова ситуация в изучении Апулея, творчество которого представлено эксплицитно не связанными текстами с неясной хронологией. Выявление содержательных связей между романом "Метаморфозы" и античной философией, прежде всего средним платонизмом, нашедшим отражение в сочинениях Апулея "О божестве Сократа", "О Платоне и его учении", является актуальной проблемой современной классической филологии.

Научная новизна диссертации определяется тем, что в ней привлечены новые материалы, не рассматривавшиеся в существующих работах по теме. Впрочем, таких исследований немного, а в отечественной филологической науке они практически отсутствуют¹.

Целью диссертации является доказательство следующего тезиса: 1) Модель мира, созданная Апулеем в философских сочинениях, изоморфна модели мира, представленной в тексте романа "Метаморфозы". 2) В обеих моделях стремление к строгому формальному единству сочетается с практическим господством бессвязности и несоразмерности. 3) Указанная дисгармония связана с разрушением исконной античной интуиции органического живого космоса.

Задачи исследования: (1) провести сопоставительный анализ философии и поэтики Апулея; (2) изучить отношение Апу-

¹ Мы можем назвать монографию: Tatum J. Apuleius and "The Golden Ass". - Ithaca, London, 1979. - Проблематика нашей диссертации отчасти затронута в книге С.В.Поляковой ("Метаморфозы или "Золотой Осел" Апулея) и в предисловии Н.И.Григорьевой к изданию соч. Апулея (Магическое зеркало "Метаморфоз"), обе работы появились в 1988 г., когда наше исследование было в основном закончено.

лея к религии и (3) его представления о красоте и художественной пластике; (4) изучить принципы аллегоризма Апулея.

Методология решения поставленных нами задач создана трудами отечественных филологов-исследователей позднеантичной литературы и философии: А.Ф.Лосева, А.А.Тахо-Годи, И.М.Нахова, С.С.Аверинцева. В анализе структуры текста мы опираемся на работы Ю.С.Степанова.

Материал и структура диссертации соответствует целям и задачам исследования. К анализу привлечен весь корпус Апулея (исключая сомнительной подлинности переводы с греческого): "Метаморфозы" (сокращенно М.), "О божестве Сократа" (С.), "О Платоне и его учении (П.), "Апология (А.), "Флориды" (Ф.).

Диссертация состоит из Введения, четырех глав и Заключения. Библиография (190 названий) включает список цитированной литературы. В приложениях (I-IV) помещены материалы и не переведившиеся ранее тексты из Апулея и других авторов (Филиппо Бераальдо, Гермий Александрийский).

В диссертации затрагиваются проблемы, имеющие теоретическое значение: связь этоса как категории художественного текста с философией, соотношение композиции и структуры художественного текста, роль наглядной художественной образности в формировании литературных образов, значение аллегоризма. Эти вопросы представляют интерес не только для истории античной литературы, но и для общего литературоведения.

Практическое значение диссертации. Результаты полученные в нашем исследовании, могут быть использованы:

- (1) для интерпретации авторов, связанных со среднеплатонической традицией;
- (2) в изучении античного романа;
- (3) в переводческой работе;
- (4) в практике преподавания античной литературы.

Апробация. Основные результаты диссертации были обсуждены на заседании кафедры классической филологии (1989 г.). Содержание исследования отражено в двух публикациях. На материале диссертации автором подготовлена статья "Демон"

для 2-го изд. "Философской энциклопедии" (принята к печати в изд. "Советская энциклопедия").

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении определяются исходные положения, цель, задачи и метод исследования, рассматриваются главные методологические трудности, возникающие в связи с вопросом о взаимозависимости художественных принципов и мировоззрения Апулея.

Диссертация посвящена проблеме, которая в последние десятилетия неизменно занимает центральное место в посвященных Апулею филологических исследованиях: существует много указаний на то, что сочинения Апулея представляют собой важнейший документ духовной истории античного мира, но пути их интерпретации в контексте истории эстетики, философии и религии остаются спорными, и не установлены точки соприкосновения материалов и выводов, полученных в каждом из указанных отделов филологической науки.

В центре научной полемики находится противоречие между результатами изучения художественной формы "Метаморфоз" и предполагаемого религиозного смысла романа.

Авторы, занимающиеся историко-религиозными аспектами текстов Апулея, полагают, что "религиозная пропаганда" или отражение личного религиозного опыта автора является наиболее существенным моментом содержания "Метаморфоз". С другой стороны, исследователи художественных принципов "Метаморфоз" пришли к результатам, которые не подтверждают религиозно-философской интерпретации романа или прямо противоречат ей. Было установлено, что "Метаморфозы" представляют собой гетерогенный текст, компилирующий несколько источников. Многочисленные противоречия выдаются как различие источников, так и невнимание Апулея к строго выверенному изложению сюжета. Общий план романа с многочисленными вставными новеллами представляется весьма аморфным и мало подходящим для "поучения", то есть выражения конкретных идей, хотя отдельные эпизоды могут быть "поучительными" в том общем смысле, что порок и преступление наказываются.

По мнению авторитетного исследователя античного романа Б.Перри, противоречия в "Метаморфозах", "доходящие до абсурда", являются не только результатом небрежности, допущенной при переделке прототипа, или неискренности Апулея, но также следствием художественных принципов, провоцировавших эту небрежность: для Апулея была значима не дискурсивная связность, а (1) "рассказывание" само по себе и (2) непосредственный драматический и эмоционально-выразительный эффект эпизода. Объединяющим принципом является разнообразие художественных эффектов². Перри сравнивает стиль Апулея с алхимией, которая "все превращает в литературное золото" (скрытый выпад против мистико-религиозных интерпретаций романа), но при этом "невозможно ни принять, ни воспринять с серьезностью ни одну из многочисленных теорий, толкующих о значении и цели "Метаморфоз" в целом и выделенных из ложно понимаемой связности мотивов или аллегоризации II кн."³.

Такая постановка вопроса была в общем принята последующими исследователями, которые или соглашались с развлекательностью "Метаморфоз", или пытались опровергнуть выводы Перри, выставляя против фактов "противоречий и бессвязности" наблюдения, доказывающие "тематическое единство" романа.

В диссертации предлагается другой подход к материалу: по нашему мнению, сложность проблемы заключается не в установлении изолированных параллелей, а в определении критериев отбора, которые следует формулировать, исходя из текста "Метаморфоз", а также из философских текстов Апулея.

Мы полагаем, что существует две взаимосвязанные системы таких критериев: художественная и аксиологическая, выявив которые мы смогли соединить философию Апулея, текст и смысл романа как выражение жизненного опыта, не прибегая к произвольным биографическим построениям и апелляциям к "законам жанра".

В первой главе "Космос и человек в философии Апулея" анализируется система ценностных понятий Апулея. Его основ-

² Perry B.E. The Ancient Romances.- Berkeley, 1967.-P.254.

³ Perry B.E. Op. cit.- P. 239, 372.

ное философское сочинение, две книги "О Платоне", представляет собой школьный учебник, содержащий плохо упорядоченный ряд дефиниций и разделений. Более удобна для выявления личных мотивов философии Апулея речь "О божестве Сократа", в которой изложение отвлеченных тезисов оживлено риторической задачей убеждения, а приемы композиции компенсируют отсутствие логической дедукции. Риторика, понимаемая как принцип связи частей текста между собой и всего текста с миром, становится положительным принципом философствования, и благодаря риторике школьные догматы преобразуются в проблемы.

Как показал проведенный нами анализ, речь о "О божестве Сократа" имеет хорошо продуманное построение. Текст разделяется на три части, организованные наподобие силлогизма: 1) боги и люди связаны демоном, 2) демон материален и чувственен, 3) боги и люди связаны чувственно и материально, то есть посредством морального существования человека, познающего бога-для-человка в промысле (традиционный для античной философии мотив "божественного попечения") и бога-в-человеке в демоне.

Таким образом, основная проблема мировоззрения Апулея определяется как согласование иерархически построенной космологической модели с этической системой. Эта проблема имеет, во-первых, собственно космологический и космогонический аспект: как трансцендентный принцип ("бог", "первое благо") может быть причиной и создателем мира; во-вторых, этический аспект: как в том же принципе человек может находить оправдание и основу своего морального существования.

В тексте "О Платоне" космологический вопрос разрешается путем деления (диайресис) исходных понятий: 1) начало (initium : П.1.5); 2) субстанция (essentia-ousia: П.1.6); 3) бог и "главенствующие существа" (П.1.11; С.3.124). Результатом является весьма сложная система космологических категорий, организованных по принципу триады: верх /середина/ низ - огонь (эфир) /воздух/ земля - боги /демоны/ люди и т.д. Мы полагаем, что единым логическим принципом этих триад является категория активного/пассивного неопифагорейской интерпретации.

В неопифагорейских текстах весьма распространено разделение: движущее (*to kinoyn*) - движущее и движимое - движимое, а также активное (*to poioyn*) - активное и пассивное - пассивное, которые используются для конструирования трехуровневого космоса (*Peri archôn*, p.19-20 Theleff; *Pseudo-Ocellus. Peri tou pantos physeos*, 36-37, p.133 Theleff; p.20 Harder). Аналогично у Апулея: высший бог является абсолютным субъектом "творения", "порождения", "движения", не имеющим никакого объекта, кроме себя (A.64; C.3; П.1.5). Средние боги "не принимают никакого внешнего блага, но сами - благо для себя и для всего, к ним стремящегося..." (C.3.123), и являются, таким образом, "движимым" по отношению к высшему принципу и "движущим" по отношению к низшим сущностям.

Некоторые совпадения позволяют предположить, что неопифагорейский трактат "О природе всего" Псевдо-Оккела был непосредственным источником космологии Апулея.

"Оккел" полагает, что логическая неразрывность понятий актуального и потенциального во всех их модификациях является достаточным основанием для учения об извечно установленной гармонии соответствующих частей мира. Так если вечно творящее божество, то вечен и сотворенный им космос, хотя по своему качеству космос "смертен" (Оккел. 18, 19, то же: Апулей П.1.8.198). Вечны боги как вид разумных, или "главенствующих" существ, потому вечен и "смертный род" - люди (Оккел 40/41). Это учение, автором которого считался Оккел, представлено у Апулея (П.1.12.205/206; C.4.127). На связь с трактатом Псевдо-Оккела указывает и термин "главенствующие" (*praecipua, praecipuum* : C.1.115; 3.125), который нигде, кроме С., не засвидетельствован, и происхождение которого комментаторами не было установлено. (У Цицерона "*praecipua vel producta*" передает стоическое *proêgmena*: *Тисс.* 5.16.47). Апулей употребляет этот термин при описании иерархии разумных существ, обитающих в каждом уровне космоса, которая, однако, отличается от иерархии элементов. Такое же построение есть в трактате "О природе всего" (38, 39), где боги, демоны и люди обозначаются *hypereschon* (ге-

нос), что представляется нам источником для *praecipua animalia* Апулея⁴.

Важнейшим следствием иерархической космологии Апулея является сакрализация и демонизация процесса познания и самого познающего субъекта. Философ Сократ описывается как демон, "которого достоинство мудрости сравняло с любой божественной силой...", который настолько же прочих людей превосходит, насколько сам богам бессмертным уступает" (C.20.167). Аналогично описывается Кратет (Ф.22: *lar familiaris*), Платон (П.1.2.183) и вообще "мудрецы" (C.3.124). Наконец описание демона-хранителя (C.16.155) "... в неясном деле - промыслитель, в сомнительном - учитель..." представляет собой парафразу похвалы философии из речи Цицерона "В защиту поэта Архия" (7).

Мудрец возглавляет сложную систему этических парадигм, которая построена по тем же принципам, что и космическая иерархия. Апулей различает два уровня благ (П.2. I.220). Первые - *per se* - это недвусмысленно космологические сущности: бог и ум. Другие блага - *per participationem* - обладают непосредственно этическим содержанием. Это четыре добродетели души, возглавляемые мудростью (*prudencia*): скромность, справедливость, мужество. Эти же блага, называемые "божественные *per se*" и "первые простые" возглавляют следующее разделение, в котором низшим уровнем являются блага человеческие, подразделяемые на телесные и внешние (П.2.1.221; 2.12.237). В результате мы получаем трехступенчатую этико-космическую иерархию.

"Мудрец" непосредственно приближен к "первым благам" и, обладая ими, лишен благ внешних и телесных. Таков прежде всего Сократ (C.21, 24). На более низкой ступени - "средний человек", которому недоступна демоническая мудрость, но даны воспитание, опытность "многознание" и вообще культура. Средний человек правильно и умеренно пользуется всем многообразием благ мира. Этот тип представлен несколькими парадигматическими фигурами: Одиссей (C.24), софист Гиппий (Ф.9), Аполлон (Ф.3), символизирующий идеального ратора, наконец,

⁴ Ср.: Harder R. "Ocellus Lucanus". - Berlin, 1926. - S.113.

это сам Апулей (Ф.9.36). В самом низу системы - человек, отрицающий внешние блага из-за своего невежества и варварства. Таковы "грубые и грязные" киники (Ф.7.26), которых, однако, надо отличать от Кратета и гимнософистов (Ф.6), относящихся к типу Сократа. Варварская грубость представлена в фигуре Марсия, состоящего с Аполлоном (Ф.3).

Система этических парадигм отражает усилия Апулея соединить две модели, первая из которых основана на идее "богоуподобления", вторая - на понятии "заботы о себе" (οἰσειὸσις). В этом проявляется характерный для среднего платонизма дуализм: идеал среднего человека самодостаточен, но в поисках его трансцендентального обоснования Апулей приходит к его отрицанию в идеале демонического мудреца.

Дуалистична и космология, что мы демонстрируем на критике среднего платонизма в трактате Ямвлиха "О мистериях", которая в своих существенных моментах может быть отнесена и к философии Апулея.

В целом философия Апулея может быть охарактеризована как сочетание "субстанционально-объяснительного дуализма и интуитивно-описательного монизма"⁵.

Монистическую тенденцию Апулея мы дополнительно определяем как принудительную и деструктивную. Апулей собственно не описывает интуитивно данное единство мира, но пытается построить формально-логическое единство из интуитивно разрозненных частей. Интуиция единства Апулеем утрачена, а рассудок, оперируя исключительно унаследованными от прошлого идеями, способен только внести хаос в старую картину мироздания: античный космос под действием объясняющего рассудка превращается из "прекраснейшего существа" в нагромождение метафизических сущностей. В этом мы находим подтверждение выдвинутого нами тезиса.

Во второй главе "Метаморфозы": этос, текст и миф" рассматриваются различные аспекты художественной структуры "Метаморфоз" Апулея.

⁵ Лосев А.Ф. Эллинистически-римская эстетика I-II.66 н.э. - М., 1979. - С.145-149.

Путешествие главного героя романа построено как перемещение по ступеням космической иерархии. Вследствие этого уже на уровне сюжета структура художественного текста у Апулея представляет аналогию умозрительному конструированию космоса. Для более детального исследования этой аналогии мы предприняли анализ этоса, то есть такой концептуальной идеи, которая может без деформации перейти из области рассудочной философии в текст романа.

Созданный Апулеем этос Луция⁶, действительно, основывается на ряде философских категорий, которые могут быть соотнесены с типичными мотивами греческих романов:

1. Любопытство (сπιριωιτις) - представляет собой оппозицию платонической категории "любви к благу". Любопытство есть сила, влекущая человека к чему-то дурному или морально "безразличному", *hormēticon-phora psychês*, что является источником топоса "любовь-болельзнь" (ср. М. Ю.2; П.2.16.119). В греческом романе любопытству соответствует "любовь", непреодолимое влечение, заставляющее героев нарушать моральные или религиозные запреты, что в свою очередь приводит к страданиям, службам и, наконец, к искуплению.

2. Стыдливость (*verecundia*) - сила противостоящая "вожделению", заставляет героя отказаться от немедленного осуществления требований любопытства, конец истории оттягивается, и в результате конфликт сдерживающего и влекущего начал мотивирует развитие повествовательной длительности. В "Метаморфозах" стыдливость проявляется трагически, как *asinalis verecundia* "ослиная стыдливость" (М.4.23) и становится важным источником комизма.

3. Порочность Луция связана с его душевной неумеренностью и неупорядоченностью, что подразумевается в самом понятии любопытства-вожделения. Примечательно, что в "Метаморфозах" удается выявить три типа пороков главного героя в соответствии с платоническим учением о трех частях

⁶ Сохраняем традиционную транскрипцию имени *Lucius*: "Луций", принимая для греч. *Λουκιος* форму "Лукии".

души: тупость и доверчивость - порок рациональной части, тупость, бесчувственное оцепенение - порок страстной части, распущенность - порок вождельительной части (М.2.1,2; 9.12 ср. П.2.4.226).

4. С другой стороны, Луций изображается как идеальный герой, в точном соответствии с топикой греческого романа (М.2.2). Однако черты, которые в греческом романе понимаются идеальными безусловно, в "Метаморфозах" демонстрируют свою несостоятельность. Источником этой двойственности является концепция "внешних", "вторичных" благ, столь важная для дуалистической этики среднего платонизма. Полный список этих благ (знатность, богатство, образованность, телесная красота и здоровье) мы находим как в эпизоде осуждения Луция, так и в сцене его пронического восхваления (М.1.23; 2.2).

5. Идеальный герой представляет собой сумму лишенных психологической характеристики телесных и моральных качеств. Любое движение идеального героя будет отрицанием какой-либо добродетели: это - или порочное вожделение, или обезображивание прекрасной внешности, обращение в рабство, переименование и т.д. Таким образом, метаморфозы являются необходимым элементом сюжета античного романа. У Апулея тема превращения получает философскую интерпретацию, связанную с мотивом "превращения в зверя" у Платона ("Федр" 248 с., 230 а).

Структура этоса, заимствованная из греческого романа, развивается у Апулея логически безошибочно, получая при этом точную оценку с позиций философии. Амбивалентность этоса придает проническому повествованию изящество, освобождая его от элементов грубой пародии или прямолинейного морализма.

Исследование композиции и организации повествовательного времени в "Метаморфозах" убеждает нас в том, что смысл истории Луция раскрывается в нескольких моментах, где "миф" (или вообще сакральное слово) становится силой, моделирующей действительность. К числу таких парадигматических высказываний относится часть вставных рассказов, некоторые опи-

сания, представляющие символические параллели к основному действию.

Важнейшими символами являются: мифологический экфрасис (статуя Дианы и Артеона) и мифологический рассказ ("Амур и Психея"). Превращение Артеона демонстрирует губительность общения со слепыми природными силами, а моменты тождества и различия между мифом о Психее и историей Луция могут быть суммированы следующим образом:

1. Состояние невинности (*simplicitas*) - иррациональное погружение в мир природы.

2. Состояние страдания (метаморфоз) - попытка рационального постижения природы (тема "любобытства").

3. Акт сверхрационального постижения. Существенно, что предметом постижения, то есть предельным уровнем в космической иерархии, для Луция является Исида - демоническое женское божество, для Психеи - Юпитер, отождествляемый с платоническим или неопифагорейским Царем.

Итак, мир "Метаморфоз" есть мир самоустранившегося "блага", и в этом смысле Апулей осуждает его с философских позиций платонизма как царство зла.

В третьей главе "Различия в "Метаморфозах": мистерии и среднеплатоническая демонология" рассматривается отношение Апулея к мистическому путешествию Луция как к чисто религиозному опыту. Используя "Метаморфозы" для реконструкции собственных религиозных представлений Апулея, мы проводим два исследования: во-первых, ритуальной символики как элемента художественной системы "Метаморфоз" и, с другой стороны, культовой практики как предмета изображения и соответствующих оценок автора.

Важнейший аспект мистерий римской эпохи - погребальный культ, связанный с представлениями о вечном умирании и воскрешении. Символическое выражение веры в будущую жизнь представляется поэтому существенным элементом романа Апулея. Наиболее четко выявляются два ряда символов:

1. Образ брачного пира и свадебной процессии представлен в историях Хариты и Психеи (М.8.7; 8.13; 6.24).

2. Другой символический ряд связан с астрономическими символами вечного кругооборота жизни и смерти: в II кн. мы находим символы "подземного полушария" (16), "прохождения сквозь мировую сферу" (23), "круговращения мира" (25).

Основы мистического миропонимания - ритм и круговращение - организованы подобно структуре времени романа (гл.2). Полный цикл с актуально пройденным началом и концом связан с образом посвящения героя. Один год занимают страдания Луция, второй - посвящение, причем описание второго года II кн. приобретает черты ареталогической псевдобиографии. Точные даты, являющиеся характерной чертой ареталогической литературы, имеют в "Метаморфозах" символическое значение, также связанное с представлениями погребального культа.

Праздник Исида приходится на самое начало весны (*in ipso ortu* : М.10.29), когда появились первые спасительные для Луция розы. Здесь явное противоречие. Первый весенний цветок Италии и Греции - фиалка, и цветение роз указывает уже на разгар лета (*Sic. Verr. Act.2.5.10*). Праздник *dies Violaris* датируется одной из надписей (*CIL 6.10234*), 22 марта, что примерно совпадает с временем праздника Исида у Апулея. Между тем *Dies Rosae-Rosalia* приходится на период с 13 мая по 1 июля. Значение обоих праздников, однако, одинаково. Представляется, что завершающий эпизод в "Метаморфозах" связан именно с Розалиями, итальянским праздником, который примерно к 100 г. распространился на Балканах и в Малой Азии.

Существовал обычай устраивать на Розалии поминальную трапезу, что вызвало появление следующих выражений: *rosalibus vesci* (*CIL 3.662*), *per rosam vesci* (*CIL 3.7454*), *esca rosales* (*CIL 5.2000*) - "кормиться от Розалий", "кормиться розой", "пища роз". По-видимому, эти выражения и факт распространения Розалий в греческих областях объясняют, почему поедание роз стало магическим средством, вернувшем Луцию человеческий облик.

Ассоциация весеннего праздника Исида и Виоларий с Розалиями передвигает дату праздника возрождения жизни примерно на середину/конец июня, то есть на период летнего солнцестоя-

ния. Едва ли это случайно: две зимние даты "Метаморфоз" также приходятся на период солнцестояния (М.9.32; II.26), причем в первом случае Апулей специально указывает на созвездие Козерога. Мы полагаем поэтому, что мистическое путешествие Луция согласовано с движением души в мифе из "Государства" Платона (IO.314 в-е): нисхождение в мир становления через созвездие Рака, а восхождение через созвездие Козерога (ср. Порфирий "Пещера нимф" 21-23)⁷.

Таким образом, философско-аллегорические и художественные задачи Апулея находятся в гармонии с мифом и культовой символикой. Иначе выглядят эпизоды, где непосредственно изображаются религиозные обряды. Практическая религия рисуется подчеркнуто вульгарной и ложной. Таких мест три: эпизод с жрецами Сирийской Богини (М.8.26-9.10), история жены мельника (9.II-31) и заключение II кн.

Жрецов Сирийской Богини Апулей представляет развратниками и шарлатанами, обирающими невежественных людей. Богиня, объект безнравственного культа, изображается кровожадным демоном. В точном соответствии с этико-космологическими моделями Апулея космический уровень божества предопределяет мораль адепта.

Аналогично интерпретируется история, в которой развратная женщина, губящая своего мужа-мельника с помощью колдуньи, объявляется почитательницей "единого бога", вероятно, христианского. Апулей здесь прямо называет "единого бога" ларвой, то есть низшим злым демоном (М.9.30).

Примечательно, что в обеих сценах морально-теологические рассуждения являются явными интерполяциями, мало связанными с течением повествования.

Мы видим, что восхваление всемогущества Исида в начале II кн. не противоречит сатирической характеристике Луция в конце ее, что в свою очередь не исключает принятия Апулеем мистерий как реального религиозного опыта. Практическая религия для Апулея является погружением в некоторую степень

⁷ См.: Тахо-Годи А.А. Художественно-символический смысл трактата Порфирия "О пещере нимф". - Порфирий. О пещере нимф / Пер. А.А. Тахо-Годи // Вопросы классической филологии VI. - М., 1976. - С. 5.

не-абсолюта: религиозное познание строится как познание вообще: каждой ступени соответствует определенный уровень природы, чем выше, тем более упорядоченный и разумный. "Ложность" не есть полное несуществование объекта, но нацеленность религии, философии, образа жизни (все три едины для позднеантичного мышления) на не-истинно-сущее. В этом смысле мистерии Исиды, культ Сирийской Богини и "единный бог" для Апулея ложны, но действительны.

Выявляется такое же противоречие, которым поражена дуалистическая этика Апулея. Для того, чтобы найти в религиозном опыте Луция положительный смысл, Апулей принимает философскую модель мира, в которой этот человеческий опыт не имеет самодостаточной ценности. Правда, платоник выдвигает понятие абсолютного бога-блага, но платоническое божество пока еще лишено конкретного содержания.

Ряд материалов подтверждает нашу интерпретацию. Рационалистическая критика христианства у Цельса в существенных чертах совпадает с отношением к "аморальным культам" у Апулея. С другой стороны, позднейшие христианские авторы (Фульгенций, Августин) отказываются понимать религиозно-этический дуализм и помещают Апулея с его "Метаморфозами" в мир злых демонов, куда сам Апулей помещал христианского бога.

Все это позволяет нам сделать дополнительный вывод: утверждение, что Апулей сознательно противопоставлял мистику II кн. христианству является анахронизмом, принципиальный политеизм Апулея не понимал отличия христианства от прочих "ложных культов" подобно тому, как и христиане видели позднее в Апулее "язычника", а не конкретного философа-платоника.

В главе четвертой "Проблемы художественной формы" рассматриваются эстетические принципы Апулея. Анализ, проведенный в гл. 2 и 3, позволяет нам утверждать, что сюжет романа оценивается автором как выражение ложного жизненного опыта. Кроме того, художественная форма романа очень далека от норм простоты и единства. Прямое и непосредственное изображение зла сочетается с полным отсутствием недвусмысленных авторских суждений. Уклончивость и амбивалентность среднеплатонического мировоззрения выступает здесь как эстетический

парадокс: в "Метаморфозах" проявляется тенденция к эстетизации "безобразного", и нравучительность романа находится в зависимости от странного для философа-платоника принципа "наслаждения злом".

Для античного сознания самоовлекая красота есть прежде всего красота человеческого тела и художественная пластика является важнейшим предметом эстетической рефлексии. Поэтому экфрасис у Апулея дает интересные материалы для понимания его эстетических принципов.

Описание статуи кифареда (Ф.15.51-53) и статуэтки Меркурия (А.62.535), а также описание Исиды (М.11.3) имеют одну общую особенность: Апулей отказывается от передачи органической пластической формы, ограничиваясь условной застывшей позой и какой-либо деталью ("прекрасные волосы"), имеющей эмблематический характер.

Не менее показательны и описание статуи Дианы и Актеона (М.2.4), в котором дано размещение и связь предметов в пространстве. Фигуры, соответствующие этому описанию, не могли бы образовать реальную пространственную композицию, так как Апулей описывает статую сразу с двух точек зрения. При этом главные образы мифа представлены маловыразительными символическими фигурами, и вся экспрессия отдана второстепенным деталям.

Эстетика Апулея опирается на два принципа - по методу это рациональная расчлененность, по эффекту - иррациональная выразительность. Существенные дополнения к этой характеристике мы получаем из анализа трактата Плутарха "Как юношам слушать поэтические произведения". Прежде всего Плутарх исходит из тех же художественных интуиций, что и Апулей: провозглашая идею "похожести", Плутарх в действительности подменяет пластическое, структурное подобие чисто субъективным впечатлением. Кроме того, Плутарх прямо указывает на мировоззренческие источники такой подмены: разложение пластической формы является следствием требования установить господство рассудка над материей.

Таким образом, центральная эстетическая категория Апулея может быть определена как нейтральный художественный пред-

мет⁸. При этом мы должны подчеркнуть, что практическим следствием этой категории является разрушение внутренне структурированной пластической формы и развитие экспрессионистических форм.

Выдвижение принципа рассудочного морализма приводит также к тому, что аллегоризм ("молчаливое поучение": Плутарх De Aud.Poet. 4.19 e) и комментирование вторгаются непосредственно в сферу поэтики.

Анализ цитат из Гомера и Вергилия у Апулея (А.4.386; С.1.116; 5.131; 15.150; 11.145) доказывает, что Апулею были знакомы философские комментарии, отчасти пересекающиеся с позднейшими сводами схолий.

С другой стороны, цитации из "Федра" (М.1.6/7; 1.18/19) позволяют предполагать, что на художественную форму "Метаморфоз" повлиял принцип аллегорической игры, вдохновленный некоторыми высказываниями Платона.

Художественные принципы Апулея мы суммируем следующим образом:

1) Игра. 2) "Молчаливое поучение". 3) Символический параллелизм. 4) Рассудочный символизм, который непосредственно определяет поэтику "Метаморфоз", проявляясь в (5) экспрессивной трактовке типических деталей и в (6) рациональном конструировании композиции.

В заключении даются общие выводы к диссертации. Средне-платонический дуализм избегает определенных решений по основным мировоззренческим вопросам, поэтому Апулей предстает как исключительно сложная и противоречивая фигура.

Очевидно, что противоречия, выявляемые в текстах Апулея неравнозначны. Некоторые из них, действительно, могут быть объяснены как следствие компиляции, конспективности изложения или злоупотребления риторикой.

Однако наряду с этим выявляется фундаментальное противоречие, охватывающее все стороны духовной деятельности Апулея: продолжая мыслить как в художественной, так и в мировоззренческой сфере традиционными античными категориями порядка, гар-

монии и красоты, Апулей утрачивает их реальное содержание и пытается заменить органическое единство механистическими и формалистическими процедурами объединения разрозненных частей.

Творчество Апулея представляет собой отражение глубокого распада традиционных интуиций античного космоса.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Кузнецов А.Е. "Любопытство": платонический рационализм в "Метаморфозах" Апулея. - М., 1989. - 15 с. - Деп. в ИНИОН АН СССР 25.05.89 № 38040). 0.75 п.л.

2. Кузнецов А.Е. Апулей. О божестве Сократа: Пер. и комментарий // Апулей. Метаморфозы... - М., 1988. - С.335-349, 393-397. 1,25 п.л.

Заказ № 39 17/УИ-89г. Объем 1 п.л. Тираж 100 экз.

ЦЭМИ АН СССР.

⁸ Лосев А.Ф. Указ. соч. - С.134-135.